

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-8>

© Мария Григорьевна Шерварлы, 2021

МГУ имени М. В. Ломоносова,

Москва, Россия,

mariya-shervarly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7154-1697>

© Maria G. Shervarly, 2021

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia,

mariya-shervarly@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7154-1697>

К вопросу о прагматике генеритивных высказываний

Аннотация. Статья посвящена обобщающим суждениям в аспекте их принадлежности одному из коммуникативных регистров речи (генеритивному). Отмечены основные этапы изучения таких высказываний; приведены выводы об их свойствах, актуальные для исследования. Предложена классификация генеритивных высказываний на основе отношения говорящего к источнику авторитетного мнения; описаны модусные рамки, характерные для каждого из типов; намечены перспективы и возможности анализа текстовых функций и взаимодействия генеритивных высказываний с учетом введенной классификации.

Ключевые слова: обобщающие высказывания, коммуникативные регистры речи, генеритивный регистр, модусные рамки.

Благодарность. Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента А. В. Уржи.

On the pragmatics of generalizing statements

Abstract. The article focuses on generalizing statements from a perspective of their belonging to one of the communicative registers of speech, namely generalizing register. The main investigation stages of such statements are noted, along with conclusions about their properties that are relevant for the study, such as semantics of generalization and abstractness, specific characteristics of reference, autosemanticism. The article proposes a classification of generalizing statements, based on the speaker's position against the source of an authoritative opinion. Statements are placed on a theoretical scale. One side of this scale corresponds to the situation when the speaker is this source of an authoritative opinion and the other side corresponds to the situation when an authoritative opinion is correlated with an external subject in relation to the speaker. The article considers the correlation of mentioned opposition with the opposition of creation/reproduction and describes the modus frames for each type. Besides, it outlines the prospects and opportunities to analyze text functions and the interaction of generalizing statements taking into account the introduced classification.

Keywords: generalizing statements, communicative registers of speech, generalizing register, modus frames.

Acknowledgements. The research was conducted under the supervision of Candidate of Philological Sciences, Associate Professor A. V. Urzha.

Введение

Определение генеритивного регистра, данное Г. А. Золотовой и постулирующее его как новый термин и новое понятие в лингвистике, было представлено широкой общественности в 1998 г. в рамках первой редакции «Коммуникативной грамматики русского языка»¹. Однако специфика высказываний, названных генеритивными, отмечалась задолго до разработки теории коммуникативных регистров.

Особая функциональная нагрузка обобщающих суждений в тексте, их способность свободно существовать за его пределами и высокая степень «читабельности» привлекали внимание филологов и любителей словесности со времен античности до наших дней. Объект изучения дробился на отдельные виды и жанры: изречения, гномы, пословицы, паремии, крылатые выражения, афоризмы, сентенции и проч. Составлялись сборники различных изречений многих авторов разных эпох или, напротив, группы высказываний в рамках творчества одного конкретного писателя или философа². При этом границы между жанрами оставались размытыми, определялись каждым исследователем заново, по удобным для конкретной работы или классификации критериям.

Первым наиболее последовательным и систематизированным описанием объекта в отечественной науке стали труды фольклористов и паремиологов³, поскольку существенная часть воспроизводимых в речи обобщающих суждений относится к области устного народного творчества, и исследователям необходимо было выделить определенные критерии описания и распределения паремий по видам⁴.

Одновременно с успехами фольклористики появлялись литературоведческие, стилистические и лингвистические исследования интересующих нас высказываний, которые стали называться обобщающими (универсальными), а также, по традиции, крылатыми выражениями и фразеологическими единицами⁵. Если ранее принадлежность того или иного высказывания к данному жанру определялась филологами в

¹ Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 528 с.

² Об этом см. подробнее: Завьялова О. С. Функции генеритивного высказывания в структуре текста: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2002. – С. 10–22.

³ Паремия – родовое понятие для пословиц и поговорок; «устойчивое в языке, воспроизводимое в речи анонимное изречение, пригодное для употребления в дидактических целях» (Савенкова Л. Б. Пословица, поговорка и паремия как термины филологии. – URL: <https://web.archive.org/web/20100128063418/http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija.html> (дата обращения: 21.03.2021)).

⁴ Даль В. И. Напутное // Даль В. И. Пословицы русского народа. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – С. 5–16; Морозова Л. А. Художественные формы пословиц // Вопросы жанров русского фольклора / под редакцией Н. И. Кравцова. – Москва: Издательство Московского университета, 1972. – С. 3–7; Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – Москва: Наука, 1988. – 236 с. и др.

⁵ На данном этапе изучения объектом часто становился широкий круг явлений, включающий в себя не только генеритивные высказывания, но и смежные с ними по содержанию или функционированию единицы.

большей степени интуитивно¹, то во второй половине XX в. стали оформляться общие семантико-грамматические критерии выделения их из контекста.

Осознание потребности в таких критериях пришло вместе с переосмыслением задач, методов и объектов лингвистики, обусловленным ее взаимным сближением с литературоведением во второй половине прошлого века. Новые направления лингвистики исследуют «способы превращения» набора конкретных единиц, ограниченных в своем количестве, в бесконечные варианты художественного целого, эстетически и образно нагруженного.

В последние десятилетия XX в. многие лингвисты пришли к схожим выводам: «Обобщающие высказывания представляют собой отдельный функционально-семантический тип высказываний»². Исследователями выделены основные признаки универсальных суждений:

- особенности обобщения: «Эти высказывания обобщающей семантики типизируют жизненные явления, придают им вневременной и всеохватный характер. В них нет точного указания на место и время совершения действия, и вся содержащаяся в высказывании информация приобретает абстрактное значение»³;
- особенности референции: «Семантика обобщенности тесным образом связана с категорией референтности. Основным признаком обобщающих высказываний, наряду с передачей коллективного опыта языкового сообщества, является отражение родовых признаков субъекта вне временной соотнесенности. Референция при этом отрывается от конкретной локализованности денотата. В обобщающем высказывании проявляется нулевой тип референции»⁴;
- специфика функционирования временных форм: абстрактность значения «поддерживается формой настоящего времени (абсолютный презенс) глагола-сказуемого или эквивалентными временными формами»⁵;

¹ Стоит отметить, что во многих случаях важную роль играл критерий распространенности и общеизвестности, который, конечно, не всегда можно назвать интуитивным, поскольку проводились специальные исследования, составлялись опросники (см., например, Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – Москва: Наука, 1988. – С. 143–169), выявлялись контексты повторений и т. д., однако в нашем случае популярность афоризма не является определяющей характеристикой.

² Васильева Е. А. Референционные особенности артиклей в обобщающих высказываниях в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1993. – С. 6; см. также: Сластникова Т. В. Функционирование обобщающего высказывания в тексте (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1992. – 23 с.; Гаврилова Е. Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 56–62.

³ Гаврилова Е. Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 56.

⁴ Васильева Е. А. Референционные особенности артиклей в обобщающих высказываниях в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1993. – С. 17

⁵ Гаврилова Е. Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 56.

– авторсемантизм: «Для универсальных же и всех вышеперечисленных типов высказываний завершенность мысли, исчерпанность суждения является сущностной характеристикой, именно тем необходимым и достаточным условием, которое собственно и служит основанием для их дифференциации <...>. Высказывания такого рода объединены генерализующей семантикой, обеспечивающей самодостаточность их смысла, полноту содержащейся в них информации; в этом, по сути говоря, и есть их сходство»¹.

Однако данным определениям, при всей их точности, не хватало включенности в общую теоретическую систему, в которой они стали бы закономерным и принципиально объяснимым явлением, а не только оригинальным актом творческой воли автора, описанным в терминах грамматики. Основой такой системы и стала, на наш взгляд, «Коммуникативная грамматика русского языка» Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой².

Основная часть

Г. А. Золотова и ее соавторы разработали теорию коммуникативно-грамматического анализа текста и выделили, опираясь на утверждение В. В. Виноградова о необходимости изучения «типологии композиционных форм речи»³, пять коммуникативных регистров речи⁴: репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный и реактивный⁵. Благодаря этому своеобразие описанных выше высказываний объясняется именно принадлежностью большинства из них генеритивному регистру и может быть противопоставлено своеобразие высказываний, относящихся к другим регистрам.

Понятие коммуникативного регистра стало удобным инструментом анализа текста, поскольку, совмещая в себе целый комплекс критериев («коммуникативная интенция говорящего (сообщение, побуждение, эмоционально-оценочная реакция); уровень обобщения; способ познания мира (сенсорный или ментальный); пространственно-временная позиция говорящего относительно сообщаемого»⁶), оно сохраняя

¹ Гаврилова Е. Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 57.

² Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 528 с.

³ Виноградов В. В. К построению теории поэтического языка // Временник отдела словесных искусств. – Ленинград: ACADEMIA, 1927. – Вып. III. Поэтика. – С. 12.

⁴ Г. А. Золотова писала о регистрах уже в своей монографии 1982 г. (Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – Москва: Едиториал УРСС, 2001. – С. 348–356), однако на тот момент система коммуникативных регистров еще не была достаточно разработана (в частности, не был выделен генеритивный регистр). По этой причине мы ориентируемся уже на ее дополненные и переработанные выводы в рамках коммуникативной грамматики.

⁵ Три первых регистра считаются основными, волюнтивный и реактивный рассматриваются отдельно, как относящиеся к диалогической речи.

⁶ Сидорова М. Ю. Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 г.) / под редакцией М. В. Пименовой. – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 480.

ет действенность и актуальность и в оценке непосредственной речевой деятельности, и в описании языковых ресурсов и возможностей, и в процессе изучения мыслепорождения, связи мышления и языка, когнитивных функций: «Этот набор параметров позволяет рассматривать коммуникативные регистры <...> во всех трех ипостасях языка, по Л. В. Щербе. Каждый регистр выступает и как модель речевой деятельности, и как коммуникативный тип текста, и как способ группировки единиц в языковом сознании»¹.

Итак, наиболее актуальными для монологической речи «Коммуникативная грамматика» называет три регистра: *репродуктивный* характеризуется как воспроизводящий непосредственно наблюдаемые и воспринимаемые субъектом события или состояния (при совпадении хронотопа говорящего и ситуации); *информативный регистр* является сферой «не прямого наблюдения, а знания» и «предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах, поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса»². Определение же *генеритивного регистра* в первом издании грамматики выглядело так: «В генеритивном регистре говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом, охватывающим обозримую человеческим знанием протяженность линии Т₁, и поднимаясь на высшую ступень абстракции от событийного времени и места. В качестве субъектов предложений выступают генерализованные множества, классы существ, предметов, либо природные, социальные процессы как явления, понятия. Генеритивные высказывания облекаются в форму умозаключений, сентенций, пословиц. <...> В этом регистре нейтрализуется вертикальная оппозиция динамики / статики, повествования / описания: усиление абстрагированности от конкретного времени ослабляет активность действия; “вневременное” и всевременное действие становится способом выражения свойства, способности, характеристики»³.

Подобная формулировка оставляла без объяснения некоторые аспекты семантико-функционального своеобразия генеритивных высказываний и не позволяла разрешить вопросы разграничения генеритивного регистра с информативным, особенно с его информативно-описательным подрегистром, что было особенно актуально, поскольку в ходе разработки теории коммуникативных регистров генеритивный выделялся на основе оценочно-квалифицирующего и обобщающе-логического подтипов информативного⁴. Проще говоря, оставалось неясным, насколько оправдано выделение генеритивного регистра как отдельного вида, а не как одного из подвидов информативного.

¹ Сидорова М. Ю. Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 г.) / под редакцией М. В. Пименовой. – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 480.

² Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. – С. 29.

³ Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – С. 30.

⁴ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – Москва: Едиториал УРСС, 2001. – С. 348–350.

Важное место решению данных проблем отведено в диссертации О. С. Завьяловой «Функции генеритивного высказывания в структуре текста»¹, которая до настоящего времени остается самым масштабным и подробным исследованием генеритивных высказываний. В работе были собраны и учтены многие важные наблюдения ученых прежних лет, проведен подробный анализ возможных форм, значений и функций генеритивных высказываний в тексте, что позволило дать им более точное определение, наметить пути их возможных дальнейших классификаций.

Кратко обозначим основные семантико-грамматические особенности генеритивных композитивов², описанные О. С. Завьяловой.

Одним из ключевых способов анализа и характеристики текста, предложенных «Коммуникативной грамматикой», является регистрация видо-временных функций предикатов³. В отличие от репродуктивного и информативного регистров, в рамках которых глагол может выступать и в аористивной, и в перфективной, и в имперфективной функции, генеритивный регистр накладывает **определенные ограничения на видо-временные возможности предикатов**. Абстрактность и универсальность нейтрализуют шкалу динамичности действия, исключают возможность соотнесения его времени со временем говорящего. Основной видо-временной функцией предикатов становится **узואльно-характеризующий имперфектив**. По этой причине наиболее частотными и «естественными» в генеритивных конструкциях являются глаголы несовершенного вида в форме настоящего времени: *Яблочко от яблони недалеко падает*.

Отсутствие необходимости описывать конкретные динамические процессы, протекающие во времени и пространстве, находит отражение и в семантике предикатов генеритивных высказываний. Все они представляют собой итог не только наблюдений за окружающим и внутренним миром человека, но и определенного их осмысления, возведения в ранг общих закономерностей и толкований, что в конечном счете приводит к **ненаблюдаемости** описываемого. Исследования О. С. Завьяловой по-

¹ Завьялова О. С. Функции генеритивного высказывания в структуре текста: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2002. – 228 с.

² Композитивами авторы «Коммуникативной грамматики» называют одну или несколько предикативных единиц, относящихся к единому регистру. Это может быть частью какого-либо высказывания, высказыванием целиком или рядом следующих друг за другом высказываний – фрагментом текста.

³ «Коммуникативная грамматика» выделяет три основные функции видо-временных глагольных форм. *Аористив* организует динамическое повествование, глаголы совершенного вида последовательно сменяют друг друга, «разворачивая», «продвигая» событийный план сюжета. *Перфектив* сигнализирует о состоянии, явившемся результатом совершенного ранее действия или «предельного состояния, перешедшего в новое качество» (Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. – С. 27). *Имперфектив* рассматривается в двух разновидностях: *имперфективно-процессуальная* служит описанию не ограниченного временными рамками состояния или действия в их наблюдаемой протяженности, *узואльно-характеризующая* – постоянного свойства, не зависящего от времени и пространства говорящего, умения, присущей ему характеристики.

казали, что даже акциональные глаголы конкретного физического действия¹ в генеритивных высказываниях часто реализуют свое дополнительное или переносное значение, становясь глаголами функтивного и экзистенциального значения; рождают метафору, в которой конкретная семантика теряется на фоне отвлеченного образа; выступают в роли логической связки, переходя в разряд неакциональных: *Не потрясенья и перевороты / Для новой жизни очищают путь, / А откровенья бури и щедроты / Души воспламенной чьей-нибудь* (Б. Л. Пастернак); *Зло само в себе носит противоядие против себя* (Н. Г. Чернышевский)².

Своеобразием отличается и позиция субъекта в генеритивном высказывании. По словам О. С. Завьяловой, генеритивное высказывание – это суждение человека о человеке, о его свойствах или о том, что имеет непосредственное отношение к самоопределению личности в этом мире, поэтому **диктумный субъект** в данных высказываниях так или иначе всегда **личный**, он возводится в конечном счете к человеку³. Это может выражаться как непосредственно личными существительными и местоимениями (*Человек отражается в своих поступках* (Ф. Шиллер); *Мы в ответе за тех, кого приручили* (А. де Сент-Экзюпери)), так и имплицитно: через указательные местоимения с определительным придаточным (*Те, которые любят учиться, никогда не бывают праздными* (Ш. де Монтескье)); субстантивированные прилагательные и причастия (*Жадный беден всегда* (Ф. Петрарка); *Покупающие власть за деньги привыкают извлекать из нее прибыль* (Аристотель)); абстрактные существительные, обозначающие свойство человека (*Зависть – основа демократии* (Б. Рассел)) и прочими способами.

В ситуации вербально не выраженного субъекта (речь идет о так называемых инфинитивных, определенно-личных, неопределенно-личных и безличных предложениях) **обобщенно-личное значение** генеритивного суждения присутствует независимо от формы глагола, нейтрализуя тем самым противопоставление 1, 2, 3 и отсутствующего лица, т. е. субъект потенциально включает в себя и говорящего, и адресата, и «любое другое лицо на их месте»⁴.

Одной из характерных особенностей генеритивного регистра также считается потенциальная спорность его суждений, субъективность высказываемых мнений⁵. Это связано с возможным варьированием «источника» подобных точек зрения и с особого рода авторскими интенциями генеритивных высказываний, на результатах анализа которых удобно, на наш взгляд, выстраивать дальнейшее описание диктумномодусной структуры таких конструкций.

¹ См. классификацию в «Коммуникативной грамматике»: Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. – С. 60–77.

² См. подробнее: Завьялова О. С. Функции генеритивного высказывания в структуре текста: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2002. – С. 34–44.; примеры ее же.

³ Завьялова О. С. Функции генеритивного высказывания в структуре текста: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2002. – С. 47–51.

⁴ Там же. – С. 46.

⁵ См. о «вариативной истинности» там же. – С. 29.

В генеритивном регистре говорящий обобщает свой личный опыт с универсальным опытом человечества. Направление этого обобщения может быть разным. В одном случае говорящий выражает мнение, что его персональный опыт переживаний, его собственная мысль являются актуальными и для всех остальных представителей той или иной человеческой общности, членом которой он является. В другом случае он соотносит и объединяет свой опыт с опытом множества, уже нашедшим выражение в генеритивном высказывании, как бы соглашается с тем, что оно правдиво.

Из практической необходимости оперировать конкретными понятиями и из соображений терминологической прозрачности определим это как **генеритивное пространство** и **генеритивное включение** соответственно. Таким образом, в первом случае имеет место распространение частного мнения говорящего на общее, а во втором – включение частного в общее.

Важность различения двух данных разновидностей порождения и воспроизведения генеритивных суждений выявляется в процессе сравнения степени выраженности в них специфических признаков регистра, а также в ходе анализа их модусного плана и текстовых функций. Представление о модусном плане¹ в лингвистике было развито в большей степени на материале крупных текстовых форм². Однако данный термин можно использовать и в более узком смысле, применительно к отдельному высказыванию³, в таком случае модусный план соотносится с модусной частью субъектной перспективы высказывания⁴ и представляет собой систему всех модусных значений, эксплицитно или имплицитно выраженных в конкретном высказывании: «Зона модуса включает комплекс смыслов, связанных с реализацией в тексте собственно субъектов речи, мысли и восприятия»⁵; «...для реализации модусных смыслов может служить целый комплекс языковых средств, среди них традиционно

¹ См. его определение в: Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. – Москва: Центр М, 2001. – С. 261: «Модусный план художественного текста образуется иерархией “функционирующих” в нем сознаний, которую возглавляет “всеобъемлющий” модус автора, отбирающего, аранжирующего, сочетающего языковые единицы в предложения, композиционные блоки, целый текст».

² Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. – Москва: Центр М, 2001. – 400 с.; Уржа А. В. Модусный план художественного текста «в зеркалах» переводов // Gramatyka a tekst / pod redakcją H. Fontańskiego, J. Lubochy-Kruglik. – Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2011. – Т. 3. – С. 116–133; Уржа А. В. Грамматика и текст. – Москва: Издательство Московского университета, 2014. – 264 с.

³ Описание модусного плана применительно к отдельным высказываниям можно встретить, например, в: Андромонова Н. А. Гипотаксис на службе модуса // Труды Математического центра имени Н. И. Лобачевского: материалы школы-семинара (Казань, 20–24 октября 1999 г.). – Казань: УНИПРЕСС, 1999. – Т. 4. Компьютерная лингвистика. – С. 13–18.

⁴ О субъектной перспективе подробнее см.: Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – С. 229–251.

⁵ Уржа А. В. Модусный план художественного текста «в зеркалах» переводов // Gramatyka a tekst / pod redakcją H. Fontańskiego, J. Lubochy-Kruglik. – Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2011. – Т. 3. – С. 117.

выделяют дейктические и модальные показатели, слова с авторизующей и оценочной семантикой, носители социальных смыслов, метатекстовые обороты»¹. Достаточно подробная классификация модусных смыслов (она принимается за основную в нашем исследовании) представлена в трудах Т. В. Шмелевой².

Поскольку предложенная классификация опирается на модус, который может не быть эксплицитно выраженным, а также на соотнесение частного мнения с общим (а значит, на представление о том, что общее выражено неким набором высказываний и область их в действительности нельзя ясно очертить), ее скорее следует выразить не двумя четко противопоставленными группами, а в виде шкалы; один ее полюс соответствует механизму генеритивного распространения, а другой – генеритивного включения. Различные высказывания, располагаясь на этой шкале, обладают более или менее ясными признаками распространения / включения.

Ближе всего к отметке «распространение» можно разместить высказывания с эксплицитно выраженной модусной рамкой предположения, неуверенности, догадки, с обозначенным рассуждением («Сдается мне, что...»; «Я полагаю, что...»; «Я осознал, что...» и т. п.). Например: *Мне кажется, те, кого приводит в ужас развитие техники, не замечают разницы между средством и целью* (А. де Сент-Экзюпери); *[И потом, когда стал взрослым, то есть когда стало что терять], я понял, что все счастливые находки детства – это тайный кредит судьбы, за который мы потом расплачиваемся взрослыми. И это вполне справедливо. И еще одно я твердо понял: все потерянное можно найти – даже любовь, даже юность. И только потерянную совесть ещё никто не находил* (Ф. Искандер); *Мы поняли, что жизнь, даже самая плохая, состоит из смены радостей и горя, удач и неудач, и не надо бояться, что неудач больше, чем удач* (В. Шаламов).

Подобные высказывания четко дифференцируются как генеритивные распространения, поскольку в них ясно прослеживается развитие мысли говорящего, путь его рассуждения и обобщения своих выводов. Часто это ярко иллюстрируется или подтверждается предыдущим или последующим текстом; см., например, взаимодействие генеритивного высказывания и контекста: *Частенько к нам наведывался мамин соратник по борьбе с загрязнением окружающей среды Антон Александрович. Загрязнение среды на его внешности не отразилось: он всегда был в сахарно-белоснежных рубашках, в свитерах – то пестрых, то одноцветных, то с короткими рукавами, то с длинными, которые сидели на нем складно, будто в магазинной витрине. С годами я поняла, что людям свойственно подчеркивать в своей внешности то, что им выгодно подчеркивать, и скрывать то, что выгодно скрывать. «Все хотят выглядеть красиво, – позже не раз думала я. – Одна из главных человеческих слабостей!» Антону Александровичу выгодно было подчер-*

¹ Уржа А. В. Модусный план художественного текста «в зеркалах» переводов // Gramatyka a tekst / pod redakcją H. Fontańskiego, J. Lubochy-Kruglik. – Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2011. – Т. 3. – С. 118.

² Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / под редакцией К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. – Москва: Издательство МГУ, 1984. – С. 78–100; Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 1994. – 43 с.

кивать спортивность своей фигуры, и он, не нуждаясь в портных, плотно облегал себя свитерами (А. Алексин).

К другому крайнему пункту шкалы («включение») относятся высказывания, цитирующие общеизвестные, часто встречающиеся в живой речи и в текстах пословицы, афоризмы, сентенции: – Симпкинс, неужели вы?... – Лазяю по чужим столам? – ответил Симпкинс Гатлингу. – **Цель оправдывает средства, дорогой мой! Да, я делал это в отсутствие Слейтона** (А. Беляев); **Я старая, мне терять нечего. Смилуйся, Господи! Верно говорят: «За грехи родителей расплачиваются дети»** (П. Санаев); – **Каин**, – сказал Вадим удивленно, – **из какого нафталина они вытащили эту кличку. Вот уже подлинно – у страха глаза велики. Вы, Игорь, когда-нибудь слушали нечто подобное?** (Э. Хруцкий). Генеритивное включение может быть оформлено кавычками, заключено в эпистемическую или авторизационную рамку («Верно говорят...»; «Вот уж действительно...»; «Как сказал один мудрец...» и т. п.); оно может обходиться и без нее, но в контексте обычно достаточно четко распознается как отсылка к уже известной истине: «Это верно для всех – значит, верно и для меня / в моей ситуации».

На первый взгляд, крайние члены нашей шкалы соответствуют оппозиции, обозначенной предшествующими исследователями: «По происхождению (генезису) обобщающие высказывания чаще всего делятся на воспроизводимые (цитируемые в данном тексте) и производимые (творимые автором текста)»¹. Однако, по нашему мнению, это не совсем так.

Во-первых, с точки зрения функционального подхода, которому мы стараемся следовать, высказывание является речевой единицей, рассматриваемой в непосредственной соотнесенности с ситуацией, созданной конкретным говорящим единожды, «для обозначения данного отрезка ситуации, в данных условиях речи и в данный момент»², т. е. не может по определению быть воспроизводимым. Существующее здесь и сейчас (в рамках коммуникативного акта), оно не имеет возможности одновременно подвергаться воспроизведению. По своей формальной и семантической структуре оно может являть собой цитату другого высказывания и в этом случае будет цитирующим или воспроизводящим, но его коммуникативный и прагматический аспекты будут складываться уже в рамках новой, настоящей ситуации³. Возможность повторяться и воспроизводиться в речи имеет генеритивное суждение, но никак не генеритивное высказывание.

Во-вторых, употребление понятия «генезис» следовало бы сопровождать оговоркой, ограничивающей его пределами одного текста, так как цитируемое суждение

¹ Завьялова О. С. Функции генеритивного высказывания в структуре текста: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2002. – С. 14.

² Гак В. Г. Высказывание // Лингвистический энциклопедический словарь. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/090c.html> (дата обращения: 21.03.2021).

³ Это, разумеется, не относится к цитированию примеров в научном тексте, в том числе и в нашем, поскольку высказывания в таком случае как бы копируются из целостного текста, сохраняя все явные или подразумеваемые контекстные связи и всех участников исходной коммуникативной ситуации неизменными, являясь для нас не новой речевой единицей, а неким исследуемым образцом уже существующей.

ранее имело своего автора (если это не народное изречение), т. е., соответственно, тоже являлось творимым. Оставаться же в рамках конкретного текста в разговоре о происхождении универсалий нецелесообразно в силу того, что специфика генеритивных суждений, как не раз отмечалось, заключается в их автосемантизме, способности выделяться из контекста, обособляться и в дальнейшем самостоятельно функционировать.

В-третьих, следует помнить о возможных трансформациях оппозиции «цитируемые в данном тексте / творимые автором данного текста»: в художественном тексте говорящим может быть не сам автор, а его персонаж. В таком случае один из героев может соглашаться с утверждением другого (других) или ссылаться на известную в данной художественной реальности истину: *Дурные вести, – проговорил он наконец. – Гэндальф никогда не запаздывает. Есть, однако же, присловье: в дела мудрецов носа не суй – голову потеряешь. Раз у тебя был с ним такой уговор, то сам уж решай, ждать его или нет. – Есть и другое присловье, – заметил Фродо. – Говорят, у эльфа и ветра не спрашивай совета: оба скажут в ответ – что да, то и нет* (Дж. Р. Р. Толкин). В данной ситуации возникает именно генеритивное включение, которое, однако же, является творимым для автора текста и читателей (но не для собеседников Фродо). См. другие примеры подобного «творимого включения»: *Это верно, – облегченно рассмеялся Пин, дочитавший письмо. – Но у нас в Хоббитании говорят: перо соколье – нутро воронье* (Дж. Р. Р. Толкин); *– Они безнадежные, – вставил Муха. – Даже пословица есть: «Радостного не огорчишь»* (Фигль-Мигль) [«радостными» называют умалишенных. – М. Ш.].

Возможны и обратные случаи – распространение по интенции говорящего, цитирующее что-то уже существующее. См., например: *Так и произошло, хотя взаимоотношения с новым составом оркестра уже другие. Новые «Виртуозы» – это в основном мальчики, годящиеся Спивакову в младшие, даже не в старшие, сыновья. Но они знают себе цену. Я поняла, что ничто не вечно. Такого состава, как раньше, никогда уже не будет. Но та история завершилась* (С. Спивакова). Вывод, к которому самостоятельно приходит автор в связи с определенными жизненными событиями, заключается в привычную для многих формулу.

Очевидно, что сопоставление нашей шкалы с оппозицией творимости / воспроизводимости можно провести только при условии ограничения рамками одной коммуникативной ситуации (но не художественного текста с его осложненной структурой), и сама оппозиция при этом получит несколько иную трактовку. Кроме того, в условиях общения говорящему и слушающему важен не столько формальный критерий наличия / отсутствия суждения в речевом опыте, сколько его функциональное позиционирование говорящим: адресат определит как включение даже впервые услышанное изречение, если оно будет заключено в модусную рамку «Как говорит пословица». Однако, безусловно, ярко выраженные генеритивные включения часто распознаются именно через соотнесение с известными коммуникантам формулами (например, в ситуации отсутствия эксплицитной модусной рамки), в связи с этим признаки нового / цитирующего можно считать дополнительной характеристикой шкалы «распространение – включение», в разной степени проявляющейся в генеритивных высказываниях.

Следует заметить, что, находясь на самом краю шкалы, некоторые из таких генеритивно-распространяющих высказываний тяготеют к тому, чтобы переместиться в информативный регистр, обнаружив соотнесенность с конкретными временем, пространством и ситуацией. Подобное видим, например, во фрагменте из романа «Герой нашего времени», в котором Печорин, загнав коня и оказавшись один в степи, понимает, что догнать внезапно уехавшую с курорта Веру уже не сможет: *И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие – исчезли как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся. Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? – ее видеть? – зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться* (М. Ю. Лермонтов).

Выделенный фрагмент можно трактовать, исходя исключительно из данных о ситуации Печорина, известных нам по произведению. В таком случае под погибшим счастьем будет пониматься внезапная и окончательная разлука с Верой, глагол *гнаться* сохранит существенную долю прямого значения, и на вопросы *Кому?* и *Когда бесполезно гнаться за погибшим счастьем?* мы сможем ответить – *Печорину, в этот конкретный момент*.

Подобного рода авторизация и актуализация высказывания препятствуют его максимальной абстракции и универсализации, не разрушая логическую связь между конкретными явлениями действительности и выводами, сделанными автором, сохраняя тем самым и определенную фактическую обусловленность высказывания: оно остается в рамках информативного регистра. Однако его можно понимать и в более широком значении: под воздействием конкретных, личных факторов герой пришел к выводу, относящемуся ко всему течению человеческой жизни, свой горький опыт он возводит в ранг общего для всех людей и ситуаций, создавая тем самым генеритивное распространение. Коллективный носитель языка, как нам кажется, склонен видеть в таких случаях именно генеритивное высказывание, «добывая» его из контекста, обрамляя цитированием и помещая в разнообразные сборники афоризмов и «мудрых мыслей». Именно так фиксируется генеритивное суждение, способное стать основой для порождения в новом контексте нового высказывания, на этот раз уже более «включительного» характера.

Можно сделать вывод, что прототипическое генеритивное суждение на первом этапе своего функционирования представляет собой генеритивное распространение, и в случае высвобождения из оригинального текста с течением времени, в процессе своего бытования в сознании носителей и в разнообразных контекстах, оно приближается к роли генеритивного включения¹. Некоторые этапы такого движения можно

¹ С этой точки зрения следует отдельно проанализировать генеритивные высказывания в составе различных поучений, проповедей, так называемого «авторитетного слова», когда автор высказывания сразу относит его к общности всех людей.

представить в виде примерного образца трансформаций потенциальной модусной рамки для воплощающих это суждение высказываний: *«Мне кажется»* – *«Я считаю»* – *«Как сказал N...»* – *«Как кто-то сказал...»* – *«Говорят, что...»* – *«Как говорится...»* – *«Всем известно, что...»*.

Как уже отмечалось ранее, многие генеритивные высказывания обладают «вариативной истинностью» (открыты для противоположного мнения), а также небанальностью и парадоксальностью содержимого суждения. Часто в этом и заключается новизна творимого в тексте говорящим генеритивного распространения. См. высказывания лорда Генри из романа «Портрет Дориана Грея»: *«Ты забываешь, что я человек женатый, а в том и состоит единственная прелесть брака, что обеим сторонам неизбежно приходится изощряться во лжи»*; *«Совесть и трусость, в сущности, одно и то же, Бэзил. “Совесть” – официальное название трусости, вот и все»*; *«Тщательнее всего следует выбирать врагов»* (О. Уайльд). Не имея еще ограничительной формулы «Это знают все», подобные афоризмы достаточно свободны в выборе образов и направлений обобщения.

Иногда фрагмент текста строится как раз на противопоставлении частного мнения общему, в котором генеритивное распространение выступает в противовес генеритивному включению (которое, следовательно, в данном случае не подтверждается, а оспаривается): *«Иные говорят, что Красота – это тщица земная. Быть может. Но, во всяком случае, она не так тщицна, как Мысль. Для меня Красота – чудо из чудес. Только пустые, ограниченные люди не судят по внешности. Подлинная тайна жизни заключена в зримом, а не в сокровенном...»* (О. Уайльд).

При этом, на наш взгляд, истинностный статус включения не меняется, но утверждается условие, при котором возможен альтернативный вывод; новый опыт не отменяет предыдущего, но добавляет иную трактовку определенной ситуации, иной ее вариант. Подобное функционирование генеритивных высказываний делает возможным существование афоризмов или пословиц, противоречащих друг другу по содержанию, но равноценно признанных социумом. См., например: *Нет худа без добра и Беда никогда не приходит одна; Не откладывая на завтра то, что можешь сделать сегодня и Утро вечера мудренее; Всякий, кто зависит от других и не имеет своих внутренних средств, не сможет стать свободным* (Ж. Ж. Руссо) и *Кто свободен телом и несвободен душою, тот раб, и, в свою очередь, кто связан телесно, но свободен духовно – свободен* (Эпиктет) и т. д.

Подобное объяснение данного факта находим и у паремиологов: «...ничего странного, а тем более нелепого тут нет. Ведь пословицы – это знаки ситуаций. Ситуации же могут быть самыми различными, в том числе и прямо противоположными. Поэтому любые, даже самые, казалось бы, “неправильные”, изречения оказываются верными, когда их применяют “к месту”, т. е. в соответствующей ситуации. В этом и состоит секрет давно подмеченной паремиологами, но до сих пор не получившей настоящего объяснения взаимной противоречивости пословичных изречений и всей пословичной логики в целом. Эта логика действительно отличается от

той, которую изучают по специальным учебникам, но зато она испокон веков принята всеми народами, ибо это и есть Логика здравого смысла»¹.

Создание нового распространения, явно противоречащего некоторому суждению, давно перешедшему в разряд общих истин и служащему основой для новых генеритивных включений, не будет нарушать его движение к общепринятости и к потенциальной модусной рамке «*Всем известно, что...*», не понизит его обратно до уровня частного мнения, поскольку универсальное суждение принадлежит определенной ситуации и задается отношением к ней, которое, в свою очередь, обуславливается субъектом-авторизатором – так же как и установление регистравой принадлежности для высказывания в целом (см. выше о тонкой грани между разновидностями информативного регистра и генеритивным).

Выводы

Обозначенная нами шкала «распространение – включение», как скрипичный гриф, не имеет четкого деления на модусные лады и на степени «общепринятости» высказываемого мнения, но тем самым располагает большим количеством возможных вариантов высказываний. Конечно, только скрипачу-говорящему доподлинно известно, что именно он собирался исполнить, но при надлежащем владении инструментом он достигнет цели – и слушающий распознает все разыгранные модусные смыслы. На наш взгляд, именно задаче практической «расшифровки» прагматики генеритивных высказываний служит подобное обозначение (возможно, временное, до нахождения более удобных ориентиров) двух полюсов генеритивности, когда в одном случае источником авторитетного мнения является сам говорящий, а в другом – внешний по отношению к говорящему субъект.

Список литературы

Андрамонова Н. А. Гипотаксис на службе модуса // Труды Математического центра имени Н. И. Лобачевского: материалы школы-семинара (Казань, 20–24 октября 1999 г.). – Казань: УНИПРЕСС, 1999. – Т. 4. Компьютерная лингвистика. – С. 13–18.

Васильева Е. А. Референционные особенности артиклей в обобщающих высказываниях в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1993. – 22 с.

Виноградов В. В. К построению теории поэтического языка // Временник отдела словесных искусств. – Ленинград: ACADEMIA, 1927. – Вып. III. Поэтика. – С. 5–24.

Гаврилова Е. Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 56–62.

Гак В. Г. Высказывание // Лингвистический энциклопедический словарь. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/090c.html> (дата обращения: 21.03.2021).

Даль В. И. Напутное // Даль В. И. Пословицы русского народа. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – С. 5–16.

Завьялова О. С. Функции генеритивного высказывания в структуре текста: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2002. – 228 с.

¹ Пермьяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – Москва: Наука, 1988. – С. 30.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – Москва: Едиториал УРСС, 2001. – 368 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 528 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. – 544 с.

Морозова Л. А. Художественные формы пословиц // Вопросы жанров русского фольклора / под редакцией Н. И. Кравцова. – Москва: Издательство Московского университета, 1972. – С. 3–7.

Пермяков Г. Л. Основы структурной паремииологии. – Москва: Наука, 1988. – 236 с.

Савенкова Л. Б. Пословица, поговорка и паремия как термины филологии. – URL: <https://web.archive.org/web/20100128063418/http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija.html> (дата обращения: 21.03.2021).

Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. – Москва: Центр М, 2001. – 400 с.

Сидорова М. Ю. Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 г.) / под редакцией М. В. Пименовой. – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 480–484.

Сластникова Т. В. Функционирование обобщающего высказывания в тексте (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 1992. – 23 с.

Уржа А. В. Грамматика и текст. – Москва: Издательство Московского университета, 2014. – 264 с.

Уржа А. В. Модусный план художественного текста «в зеркалах» переводов // Gramatyka a tekst / pod redakcją H. Fontańskiego, J. Lubochy-Kruglik. – Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2011. – Т. 3. – С. 116–133.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 1994. – 43 с.

Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / под редакцией К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. – Москва: Издательство МГУ, 1984. – С. 78–100.

References

Andramonova N. A. Gipotaksis na sluzhbe modusa [Hypotaxis in the service of modus]. *Trudy Matematicheskogo tsentra imeni N. I. Lobachevskogo: materialy shkoly-seminara (Kazan', 20–24 oktiabria 1999 g.)* [Proceedings of the N. I. Lobachevsky Mathematical Center: materials of the seminar school (Kazan, October 20–24, 1999)]. Kazan': UNIPRESS, 1999, vol. 4. Komp'iuternaia lingvistika [Computer linguistics], pp. 13–18.

Vasil'eva E. A. Referentsionnye osobennosti artiklei v obobshchaiushchikh vyskazyvaniiah v sovremenom frantsuzskom iazyke [Reference features of articles in generalizing statements in modern French: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1993. 22 p.

Vinogradov V. V. K postroeniiu teorii poeticheskogo iazyka [To the construction of the theory of poetic language]. *Vremennik otdela slovesnykh iskusstv* [Chronicle of Oral Lore Department]. Leningrad: ACADEMIA, 1927, iss. III. Poetika [Poetics], pp. 5–24.

Gavrilova E. H. Universal'nye vyskazyvaniia i drugie obobshchaiushchie suzheniia [Universal statements and other generalizing judgments]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 1986, no. 3, pp. 56–62.

Gak V. G. Vyskazyvanie [Statement]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/090c.html> (accessed: 21.03.2021).

Dal' V. I. Naputnoe [Farewell word]. *Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda* [Dal V. I. The Sayings and Bywords of the Russian people]. Moscow: OLMA-PRESS, 2000, pp. 5–16.

Zav'ialova O. S. *Funktsii generitivnogo vyskazyvaniia v strukture teksta* [The functions of generative statement in the structure of the text: Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2002. 228 p.

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Editorial URSS, 2001. 368 p.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1998. 528 p.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2004. 544 p.

Morozova L. A. *Khudozhestvennye formy poslovits* [Artistic forms of proverbs]. *Voprosy zhanrov russkogo fol'klora* [Genre issues of Russian folklore; ed. by N. I. Kravtsov]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972, pp. 3–7.

Permiakov G. L. *Osnovy strukturnoi paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow: Nauka, 1988. 236 p.

Savenkova L. B. *Poslovitsa, pogovorka i paremiia kak terminy filologii* [Proverb, saying and paremia as terms of philology]. Available at: <https://web.archive.org/web/20100128063418/http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija.html> (accessed: 21.03.2021).

Sidorova M. Iu. *Grammatika khudozhestvennogo teksta* [Grammar of the literary text]. Moscow: Tsentr M, 2001. 400 p.

Sidorova M. Iu. *Sistema kommunikativnykh registrov i tipologii kommunikativnykh situatsii* [System of communicative registers and typology of communicative situations]. *Iazykovye kategorii i edinitsy: sintagmicheskii aspekt: materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Vladimir, 29 sentiabria – 1 oktiabria 2015 g.)* [Language categories and units: syntagmatic aspect: Proceedings of the XI International research conference (Vladimir, September 29 – October 1, 2015); ed. by M. V. Pimenova]. Vladimir: Tranzit-IKS, 2015, pp. 480–484.

Slastnikova T. V. *Funktsionirovanie obobshchaiushchego vyskazyvaniia v tekste (na materiale frantsuzskogo iazyka)* [The functioning of a generalizing statement in the text (by the material of the French language): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1992. 23 p.

Urzha A. V. *Grammatika i tekst* [Grammar and text]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 264 p.

Urzha A. V. *Modusnyi plan khudozhestvennogo teksta “v zerkalakh” perevodov* [Modus plan of a literary text “in mirrors” of translations]. *Gramatyka a tekst* [Grammar and text; ed. by H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik]. Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2011, vol. 3, pp. 116–133.

Shmeleva T. V. *Semanticheskii sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoarsk: Krasnoarskii gosudarstvennyi universitet, 1994. 43 p.

Shmeleva T. V. *Smyslovaia organizatsiia predlozheniia i problema modal'nosti* [Semantic organization of the sentence and the problem of modality]. *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa* [Topical issues of Russian syntax; ed. by K. V. Gorshkova, E. V. Klobukov]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1984, pp. 78–100.

Для цитирования: Шерварлы М. Г. К вопросу о прагматике генеритивных высказываний // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 4 (103). – С. 90–106. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-8>

For citation: Shervarly M. G. On the pragmatics of generalizing statements. *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 4 (103), pp. 90–106. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-4-103-8>

Сведения об авторах

Мария Григорьевна Шерварлы /
Maria G. Shervarly

Аспирант, <https://orcid.org/0000-0001-7154-1697>, mariya-shervarly@yandex.ru, МГУ имени М. В. Ломоносова (д. 1, ул. Ленинские горы, 119991 Москва, Россия) / Postgraduate student, <https://orcid.org/0000-0001-7154-1697>, mariya-shervarly@yandex.ru, Lomonosov Moscow State University (1, ul. Leninskiye Gory, 119991 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 20.04.2021; одобрена после рецензирования 18.06.2021; принята к публикации 30.06.2021.

The article was submitted 20.04.2021; Approved after reviewing 18.06.2021; Accepted for publication 30.06.2021.